

УДК 821.161.1.09«1917/1991»
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ЧЕЛОВЕК КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ БЫТИЯ В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

В.В. Компанеец, Н.В. Травова

В статье предпринято исследование «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова в антропологическом аспекте. Проанализированы некоторые точки соприкосновения и расхождения взглядов на человека В.Т. Шаламова и представителей русской религиозной философии. Выявлены особенности принципов повествования, обусловленные концепцией человека В.Т. Шаламова.

Ключевые слова: человек, религия, государство, принципы повествования, точка зрения.

«Человек есть мера всех вещей» – так однажды сказал древнегреческий философ Протагор. Полностью изречение Протагора звучит так: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Сенсуалист Протагор имел в виду субъективность и относительность нашего познания: по его мнению, есть только то, что человек воспринимает органами чувств. Но если опустить нюансы и оставить лишь суть – тезис Протагора обретает универсальный характер. Ведь человек в нем выступает исходной точкой бытия.

Идея человека как высшей ценности бытия заложена и в творчестве русских писателей-гуманистов XIX века, и в русской религиозной философии. «Разгадать тайну о человеке и значит разгадать тайну бытия», – писал Н.А. Бердяев [1, с. 87].

Человек стоит в центре творчества Варлама Шаламова. Сказать правду о человеке – смысл этого творчества. «“Колымские рассказы” – попытка поставить и решить какие-то важные нравственные вопросы времени. <...> Вопрос встречи человека и мира, борьба человека с государственной машиной, правда этой борьбы, борьба за себя, внутри себя – и вне себя», – писал Шаламов в эссе «О прозе» [6, т. 4, с. 366] ¹. В этом высказывании

автора обращает на себя внимание слово *борьба* – оно является ключевым в понимании эпохи, в которой человек не просто перестал быть мерою всех вещей, но сам стал винтиком в огромном государственном механизме. Сколько жертв сталинских репрессий смогли выстоять в этой борьбе?

В «Колымских рассказах» Шаламов показывает человека в предельной ситуации: систематический голод, ночевки в шестидесятиградусный мороз в дырявой брезентовой палатке, постоянные побои, шестнадцатичасовой рабочий день – и вот через две-три недели любой, даже самый здоровый человек превращается на Колыме в «доходягу», которому «дальше чем на два дня не имело смысла строить планы» (т. 1, с. 16).

Каждый свой рассказ, входящий в «колымскую эпопею», Шаламов называет «почтиной по сталинизму» (т. 4, с. 371), открыто указывая на виновников тысяч смертей. Но писатель, на своей шкуре ощутивший все ужасы сталинского режима, не ищет вину во внешнем – тем более что «политика не знает понятия вины» (т. 1, с. 246). «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, представителя экзистенциального направления в лагерной прозе, дают понять: зло есть порождение человека. Когда в рассказе «Галина Павловна Зыбалова» младший лейтенант Постников, задержавший беглеца, пристрелил последнего и отрубил ему топором обе кисти, разве это было приказом государства? Отнюдь.

Просто младшему лейтенанту не хотелось вести пойманного за десять-пятнадцать километров, поэтому он решил прихватить с собой для опознания лишь кисти рук, ни во что не ставя человеческую жизнь. Не учел Постников лишь одного: что беглец ночью встанет и придет в барак. Видимо, слишком велика была жажда жизни у этого обреченного на смерть, а может, просто не было сил умереть, что в условиях лагеря – вполне обычное дело. Младший лейтенант выговора не получил.

Читателю такой случай кажется беспрецедентным злодеянием, проявлением вопиющей бесчеловечности, но когда автобиографический герой (Шаламов) встречает Постникова, перед ним оказывается человек отнюдь не злодейской внешности: «Постников был светлый блондин, но не из породы альбиносов, а скорее северного, голубоглазого, поморского склада – чуть выше среднего роста. Самый, самый обыкновенный человек» (т. 2, с. 318). Ровным, будничным тоном автор описывает «злодея», да и само «злодейство», что только усиливает восприятие читателя, показывает обыденность, будничность, обыкновенность зла, царящего на Колыме, лишь нагнетает впечатление чудовищности происходящего. Мало ли было таких Постниковых?

В рассказе «Красный крест» читаем: «Начальник приучается в лагере к почти бесконтрольной власти над арестантами, приучается смотреть на себя как на бога, как на единственного полномочного представителя власти, как на человека высшей расы» (т. 1, с. 146). Сразу вспоминаются размышления Н.О. Лосского об одном из видов эгоизма, нарушающего иерархию ценностей, указанную Иисусом Христом, когда некоторые деятели принимают решение достигнуть цели любыми средствами и занять первое место, возвыситься над всеми и даже самим господом Богом [2]. Лагерные начальники Шаламова, конечно, яркий пример людей, вступивших на этот путь эгоизма. По мнению Лосского, у таких людей преобладающей страстью является гордость. Они вступают в соперничество с Богом, считая, что способны привести в порядок мир лучше, чем его Творец. Преследуя недостижимую цель, они терпят поражение на каждом шагу и начинают ненавидеть

Бога [2]. Неудивительно, что христианство стало врагом коммунизма.

По мнению Н. Бердяева, если нет Бога, то теряется некий центр, стержень человека. И хотя сам Шаламов неоднократно заявлял, что «лишен религиозного чувства» [5, с. 6] (что, как нам кажется, не лишает автора, воспитанного в семье священника, религиозного мировоззрения), в «колымской эпопее» писатель неоднократно повторяет: «в лагере только одна группа сохраняет в себе человеческий образ – религиозники: церковники и сектанты» (т. 1, с. 456). Для самого Шаламова «возможность «религиозного выхода» была слишком случайной и слишком неземной» (там же, с. 238), но он как никто другой знал, что на свете есть тысяча правд: «Не учи жить другого. У каждого – своя правда. И твоя правда может быть для него не пригодна именно потому, что она твоя, а не его» [4, с. 104].

«Не учи жить другого» – это одиннадцатая заповедь Шаламова, которую он вынес из Колымы и которая порождает полифонию точек зрения в плане идеологии. К примеру, в новелле «Необращенный» сталкиваются два различных отношения к религии. Нина Семеновна – руководитель практики по внутренним болезням, потерявшая на войне мужа и двоих сыновей и нашедшая выход в религии, хотела дать герою-рассказчику (курсанту фельдшерских курсов) Библию.

«– У меня нет религиозного чувства, Нина Семеновна. Но я, конечно, с великим уважением отношусь...»

– Как? Вы, проживший тысячу жизней? Вы – воскресший?.. У вас нет религиозного чувства? Разве вы мало видели здесь трагедий? <...>

– Нет, – сказал я неслышным голосом, холодея от внутреннего своего опустошения. – Разве из человеческих трагедий выход только религиозный? <...>

– Только, только. Идите» (т. 1, с. 237–238).

В эссе «О моей прозе» автор пишет: «Мы не знаем, что стоит за Богом, за верой, но за безверием мы ясно видим – каждый в мире – что стоит. Поэтому такая тяга к религии, удивительная для меня, наследника совсем других начал» (т. 4, с. 378). Религиозный выход был не приемлем для автора и его центрального героя, да и для большинства других оби-

тателей лагерного мира. Показательно, что автобиографическую книгу «Четвертая Вологда» Шаламов закончил следующим признанием: «Веру в бога я потерял давно, лет в шесть. <...> В возросшей сложности жизни нашей семьи для бога у меня в моем сознании не было места. И я горжусь, что с шести лет и до шестидесяти я не прибегал к его помощи ни в Вологде, ни в Москве, ни на Колыме» [7, с. 102].

Для Шаламова Человек – это все-таки единство материального и духовного (что, впрочем, соотносится с двойственной природой человека в христианском учении как Образа и Подобия Бога). И если Н.О. Лосский приходит к заключению, что «свои поступки никто не смеет оправдывать законами своего тела, законами физиологии и т. п.» [2, с. 538–539], то Шаламов, не умаляющий роли свободы выбора, не смог бы с этим согласиться. В центре его внимания – человек, теряющий все свои человеческие качества, свойства: «Все человеческие чувства – любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания» (т. 1, с. 35). Ближе Шаламову оказывается теория Абрахама Маслоу о первичных и вторичных потребностях и об их роли в мотивации личности. «Если человеку нечего есть и если ему при этом не хватает любви и уважения, то все-таки в первую очередь он будет стремиться утолить свой физический голод, а не эмоциональный» [3, с. 79].

В лагере «все заключенные поделены, как лошади, на категории труда» (т. 1, с. 144), «...в глазах государства и его представителей человек физически сильный лучше, именно лучше, нравственнее человека слабого, того, что не может выбросить из траншеи двадцать кубометров грунта за смену. Первый моральнее второго. Он выполняет “процент”, то есть исполняет свой главный долг перед государством и обществом, а потому всеми уважается» (там же, с. 32). Всякий заключенный Колымы знает, что «в лагере убивает работа» (там же, с. 432).

Показательны слова из рассказа «Серафим»: «Человек живет не потому, что он во что-то верит, на что-то надеется. Ин-

стинкт жизни хранит его, как он хранит любое животное» (т. 1, с. 20). В новелле «Дождь» читаем: «человек стал человеком не потому, что он божье создание, и не потому, что у него удивительный большой палец на каждой руке. А потому, что был он (физически) крепче, выносливее всех животных, а позднее потому, что заставил свое духовное начало успешно служить началу физическому» (там же, с. 28). Несмотря на кажущийся здесь примат телесного своим произведением и своей жизнью автор все-таки показывает нам, как «сохранить живую душу», свою духовную сущность, как не остаться живым мертвецом, как не только выжить, но и сохранить в себе Человека.

Сохранить в себе Человека мог далеко не каждый заключенный Колымы. Ведь в лагере «он обучается... лести, лганью, мелким и большим подлостям, становится эгоистом. Возвращаясь на волю, он видит, что он не только не вырос за время лагеря, но что интересы его сузились, стали бедными и грубыми. Моральные барьеры отодвинулись куда-то в сторону. Оказывается, можно делать подлости и все же жить» (там же, с. 146).

Но Шаламов не осуждает никого: в лагере, где действовал принцип «умри ты сегодня, а я – завтра», нужно было как-то выживать. И каждый делал это, как мог. Показателен диалог персонажа Платонова и героя-рассказчика в новелле «Заклинатель змей». Платонов – «киносценарист в своей первой жизни» (там же, с. 79) рассказывал центральному герою историю «своей здешней жизни – второй нашей жизни на этом свете» (там же, с. 78), он побывал на прииске «Джанхара», страшная слава которого гремела везде.

«– Впрочем, трудно было только первое время, два-три месяца. Там одни воры. Я был единственным... грамотным человеком там. Я им рассказывал, “тискал романы”, как говорят на блатном жаргоне, рассказывал по вечерам Дюма, Конан Дойля, Уоллеса. За это они меня кормили, одевали и я работал мало. Вы, вероятно, тоже использовали это единственное преимущество грамотности здесь?

– Нет, – сказал я, – нет. Мне это казалось всегда последним унижением, концом. За суп я никогда не рассказывал романов. Но я знаю, что это такое. Я слышал “романистов”.

– Это осуждение? – сказал Платонов.
 – Ничуть, – ответил я. – Голодному человеку можно простить многое, очень многое» (т. 1, с. 79).

Здесь – кажущееся различие точек зрения, в основе своей они совпадают. Платонов сам осознает, что стал «шутком, при дворе миланского герцога, шутком, которого кормили за хорошую шутку и били за плохую», не случайно название, придуманное им к рассказу, который хотел написать об этом – «Заклинатель змей». То есть, по сути, Платонов понимал, что это унижение, но решился на него, даже пытался оправдать себя тем, что «познакомит их (блатарей. – В. К., Н. Т.) с настоящей литературой», «не хотел себе сказать, что просто он будет накормлен, будет получать лишний супчик не за вынос параша, а за другую, более благородную работу. Благородную ли?» (там же, с. 83). Автобиографический герой не осуждает Платонова, но если учесть, что, как говорил Шаламов, в его текстах нет ничего случайного, упоминание о том, что Платонов «умер недели через три после этого разговора» (там же, с. 79), придает этой новелле более глубокий смысл. Автор показывает: даже если поступаться чувством собственного достоинства, моральными и нравственными качествами, это не гарантирует жизни, это способно лишь временно уберечь от смерти, которая в любую минуту может настичь каждого. Так стоит ли это делать?

Следует отметить, что отношение к блатному миру у Шаламова было особое. В художественно-прозаических циклах «Колымских рассказов» четко проступает оппозиция: «блатные» – «фраера» (то есть все остальные). Шаламов беспощаден и однозначен в оценке блатарей. В «Очерках преступного мира» автор развенчал всю романтику воровского мира, показал, что отношение блатарей не к себе подобным не могло быть хорошим, а если таковым казалось, то оно было ложно. «Лживость блатарей не имеет границ, ибо в отношении фраеров (а фраера – это весь мир, кроме блатарей) нет другого закона, кроме закона обмана – любым способом: лестью, клеветой, обещанием...» (т. 2, с. 17). Все романтические легенды о них ложны, все их обещания – тоже ложь: «Это – лживо, как все,

что исходит из уст блатного» (там же, с. 32). А в очерке «Об одной ошибке художественной литературы» Варлам Шаламов недвусмысленно обвиняет литературную традицию в том, что «писатели разрешали эту серьезнейшую тему легкомысленно, увлекаясь и обманываясь фосфорическим блеском уголовщины, наряжая ее в романтическую маску и тем самым укрепляя у читателя ложное представление об этом коварном, отвратительном мире, не имеющем в себе ничего человеческого» (т. 2, с. 11).

В «Колымских рассказах» у блатарей было убеждение, согласно которому фраер не считался человеком, поэтому его убийство – обычное дело. «Как только приходил срок выписки, Кононенко убивал на пересылке кого-нибудь, все равно кого, любого фраера – душил полотенцем» (т. 1, с. 295).

Показательна такая деталь, как крестики на шее блатарей: «В то время все блатные носили на шее алюминиевые крестики – это было опознавательным знаком ордена, вроде татуировки» (там же, с. 10). Эта деталь-символ говорит о смещении и поправлении не только человеческих ценностей, но и Божьих заповедей.

В соответствии с отношением автора к блатному миру складываются и особенности принципов повествования. У Шаламова точка зрения вора в законе никогда не может совмещаться с точкой зрения автобиографического героя.

Шаламов вообще не считал блатарей людьми. «Груб и жесток начальник, лжив воспитатель, бессовестен враг, но все это пустяки по сравнению с растлевающей силой блатного мира. Те все-таки люди, и нет-нет да и проглянет в них человеческое. Блатные же – не люди» (там же, с. 145). В связи с этим убеждением писателя и речь представителей блатного мира – блатарей – чуждая автору-рассказчику-герою, поэтому «блатные словечки» и выражения, если они не исходят из уст самих воров, всегда даются как несобственно-прямая речь, на которую указывают кавычки. Например, в рассказе «На представку»: «Про Севочку говорили, что он “превосходно исполняет” – то есть показывает умение и ловкость шулера» (там же, с. 8). Автор также дает расшифровку «блатной фени»: «“битый

фраер” – это значит опытный, произносится с уважением» (т. 2, с. 17). В.Т. Шаламов прямо высказывает отношение к языку блатного мира: «Слова эти – отравка, яд, влезающий в душу человека, и именно с овладения блатным диалектом и начинается сближение фраера с блатным миром» (т. 1, с. 147). А отношение к блатарям в «колымской эпопее» проявляется в оценочных категориях: «Раскормленная розовая рожа» (там же, с. 163).

Мир блатарей автор определяет как «подземное уголовное царство» (т. 2, с. 20). Показательно, что «никакой разницы между блатарями, которые нас грабят, и государством для нас нет», – пишет Шаламов в рассказе «Эсперанто» (т. 1, с. 313). Зачастую государство, зная о беспределе, который учиняют в лагерях блатные, ничего не предпринимало, ведь для государства главными врагами были фраера – интеллигенты, осужденные по 58-й статье, политической.

«Колымская эпопея» Варлама Шаламова показывает, как человек в условиях лагеря борется за свое право быть Человеком. «“Колымские рассказы” – это изображение новых психологических закономерностей в поведении человека, людей в новых условиях. Остаются ли они людьми? Где граница между человеком и животным?» (т. 4, с. 367). Лагерь был великой пробой нравственных сил человека, и девяносто девять процентов людей этой пробы не выдержали. Шаламов выдержал. И все его творчество стало оправданием собственной жизни, антроподицеей,

великой миссией, трансформировавшись в надгробную поминальную речь автора по миллионам погибших на Колыме людей, чтобы за них дышать, говорить, жить, «напоминать людям их человеческий долг» (т. 2, с. 257). И чтобы еще раз утвердить универсальную истину: человек *должен быть* мерой всех вещей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Далее при ссылке на этот источник в круглых скобках будут указаны номер тома и страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1985. – 444 с.
2. Лосский, Н. О. Избранное / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. П. Филатова. – М.: Правда, 1991. – 624 с.
3. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность: пер. с англ. / А. Г. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
4. Сиротинская, И. О Варламе Шаламове / И. Сиротинская // Литературное обозрение. – 1990. – № 10. – С. 103–112.
5. Шаламов, В. Т. Литературная нить моей судьбы / В. Т. Шаламов // Литературная газета. – 1987. – № 28. – С. 6.
6. Шаламов, В. Т. Собр. соч.: в 4 т. / В. Т. Шаламов. – М.: Вагриус, 1998. – Т. 1. – 620 с.; Т. 2. – 510 с.; Т. 4. – 494 с.
7. Шаламов, В. Т. Четвертая Вологда / публ. и предисл. И. П. Сиротинской // Наше наследие. – 1988. – № 4. – С. 86–102.

A HUMAN AS THE LIFE SUPREME VALUE IN «THE KOLYMA TALES» BY VARLAM SHALAMOV

V.V. Kompaneets, N.V. Travova

Research of «The Kolyma Tales» by V. Shalamov in the anthropological aspect is undertaken in the article. Some of similarity and distinction of the points of view at human by the writer and Russian religious philosophy are analysed. Features of principles of narrative caused by the conception of a human of V. Shalamov are revealed.

Key words: *a human, religion, the state, principles of narrative, point of view.*